

Эта гордость проистекала из воспитания, которое их семья давала детям с самого детства: каждый должен отвечать за свои поступки, а за ошибки нужно нести ответственность самостоятельно. Даже если семья обладала возможностью помочь, она не стала бы оправдывать своих детей только потому, что они принадлежат к роду Цзян.

Если это преступление, то закон вынесет справедливый приговор — это бремя, которое преступник должен нести сам.

Можно сказать, что это правило, которое поколения семьи Цзян соблюдали из века в век.

Только так можно жить в этом мире чисто и с незапятнанной репутацией.

Цзян Мэй верила, что её старший брат, сдаваясь властям, уже осознал это. Поэтому на протяжении всего процесса — от добровольной сдачи до приговора и отбывания наказания — он ни разу не обратился за помощью к своей семье.

Что касается членов семьи Цзян, они, скорбя о брате, также надеялись, что он сможет искренне раскаяться в тюрьме, искупить свои грехи и, выйдя на свободу, начать новую жизнь.

Как семья, они были готовы принять его после освобождения, будь он тем же человеком, что и раньше, или же полностью переродившимся.

К их облегчению, за все эти годы, когда они навещали брата в тюрьме, он оставался прежним — не потерявшим надежду на жизнь, не превратившимся в живого мертвеца.

Благодаря искреннему раскаянию и заслугам в период отбывания наказания ему сократили срок. Теперь, спустя более десяти лет, им оставалось лишь считать дни, ожидая его освобождения.

Что касается Гуань Лань, виновницы всего этого, её имя в семье Цзян стало запретной темой, о которой больше никто не упоминал.

Конечно, хотя семья Цзян строго требовала от своих детей ответственности, они всё же решили отомстить Гуань Лань за то, что она довела их брата до такого состояния.

Для семьи Цзян на их территории справиться с кем-то было несложно. Цзян Мэй не была тем человеком, который молча сносил бы обиды, поэтому она сделала так, что Гуань Лань больше не могла жить в их городе.

Это привело к тому, что теперь при виде Цзян Мэй Гуань Лань, как мышь, увидевшая кошку, инстинктивно пыталась скрыться.

И Цзян Мэй, и Гуань Лань считали, что их пути больше никогда не пересекутся.

Поэтому Гуань Лань, считая, что всё позади, смогла спокойно выйти замуж за Чэнь Юхао, не беспокоясь о том, что Цзян Мэй может появиться.

Даже сама Цзян Мэй не хотела больше видеть её.

Но судьба снова столкнула их.

Недавно семья Цзян узнала о чём-то, что их шокировало и одновременно вызвало невероятный гнев.

Даже дедушка Цзян Мэй, узнав об этом, чуть не потерял сознание. Узнав, что Цзян Мэй собирается сорвать свадьбу Гуань Лань, он не стал препятствовать, сделав вид, что ничего не знает, и позволил им действовать.

Думая об этом, Цзян Мэй посмотрела на Гуань Лань с ледяным взглядом, словно острый клинок:

— Но недавно мы узнали, что это не было правдой. На самом деле всё было иначе.

Эти слова Цзян Мэй заставили Гуань Лань, прячущуюся за спиной Гуань Сыхао, побледнеть и запаниковать.

Но поскольку Гуань Сыхао стоял перед ней, её реакция не была заметна всем гостям.

Однако некоторые гости с их ракурса смогли разглядеть лицо Гуань Лань, покрытое густым макияжем, и заметили её реакцию.

Это дало им пищу для размышлений.

В следующее мгновение Цзян Мэй шагнула вперёд, оттолкнула Гуань Сыхао, который пытался её остановить, и с силой вытащила Гуань Лань из-за его спины.

Гуань Лань кричала, пытаясь вырваться, но Цзян Мэй держала её так крепко, что ей пришлось оказаться перед всеми гостями.

Гуань Сыхао и Чэнь Юхао попытались вмешаться, чтобы разнять их, но в этот момент несколько мужчин, пришедших с Цзян Мэй, поднялись на сцену и преградили им путь.

Под воздействием Системы Белого Лотоса Гуань Сыхао, охваченный отчаянием, наполнил глаза слезами:

— Как вы можете так поступать? Это слишком!

Гости в зале: [...]

Гуань Сыхао: [...]

Его сердце начало искажаться от гнева.

Он знал, что на самом деле ему хотелось просто ударить кого-нибудь.

Но что толку от слёз сейчас? Это совершенно бесполезно!

Но Гуань Сыхао не мог отключить Режим Белого Лотоса, потому что если бы он показал своё истинное лицо, всё было бы кончено.

Поэтому, будучи униженным и неспособным защитить себя, он мог лишь опустить голову и молчать.

Никто не мог помочь Гуань Лань. Её свадебное платье, которое должно было делать её красивой, теперь стало тяжёлым и неудобным, мешая ей двигаться. Цзян Мэй, обладающая навыками боевых искусств, одной рукой схватила её.

Гуань Лань могла лишь беспомощно бороться в руках Цзян Мэй, крича в ужасе:

— Отпусти меня!

Поскольку Цзян Мэй контролировала движения Гуань Лань, её голос, доносящийся из микрофона, звучал тяжело:

— Недавно мы узнали, что на самом деле мой брат не был убийцей. Настоящей убийцей является эта женщина, которая думала, что всё позади, и теперь выходит замуж с помпой.

Возможно, гости уже догадывались об этом, поэтому слова Цзян Мэй лишь подтвердили их подозрения.

Они могли лишь молчать и наблюдать за развитием событий.

Таким образом, свадебный зал, полный гостей, погрузился в мёртвую тишину.

Даже Чжоу Вэньлун, друг Чэнь Циньцина, хотел выразить своё изумление, но в такой атмосфере лишь тихо произнёс два слова.

На самом деле они поверили словам Цзян Мэй во многом благодаря её предыдущему заявлению.

Семья, которая даже не помогала своему родственнику в тюрьме, не могла просто так оклеветать кого-то, особенно спустя столько лет, когда их брат уже собирался выйти на свободу.

И ещё была реакция Гуань Лань...

После слов Цзян Мэй на лице Гуань Лань, помимо ужаса, появилась явная паника.

Она словно боялась, что её давно скрываемый секрет будет раскрыт и выставлен на всеобщее обозрение, заставляя её инстинктивно хотеть спрятаться в тёмный угол.

К тому времени, как Гуань Лань попыталась отрицать обвинения Цзян Мэй, было уже слишком поздно.

Они наконец поняли, насколько велика была их ненависть к Гуань Лань, если даже спустя столько лет они не могли её отпустить.

Они узнали правду только спустя много лет, и это вернуло их в прошлое, усилив их ненависть.

Как они могли позволить Гуань Лань выйти замуж с помпой, стать богатой женщиной и жить в спокойствии?

— Нет, я не убивала, это не я, отпусти меня, ты не можешь так поступать... — беспомощно повторяла Гуань Лань.

Даже в этот момент она пыталась вызвать жалость своим слабым видом.

Но в такой ситуации, когда Гуань Лань уже ассоциировалась с убийцей, кто бы мог посчитать её жалкой?

Цзян Мэй с ненавистью произнесла:

— Ты смеешь отрицать, что после убийства позвала моего брата? Ты смеешь отрицать, что,

когда он пришёл на место преступления, ты с этим невинным лицом говорила, что не хотела убивать, что боялась, намекая ему взять вину на себя?

Чем больше говорила Цзян Мэй, тем больше паниковала Гуань Лань, её сопротивление становилось всё слабее, и она лишь продолжала качать головой:

— Нет... Нет...

Но чем больше Гуань Лань теряла уверенность, тем сильнее становилась ненависть Цзян Мэй, которая готова была разорвать её на куски.

Цзян Мэй смотрела на Гуань Лань, стиснув зубы:

— Ты смеешь отрицать, что использовала моего племянника, которому не было и трёх лет и который не был кровным сыном моего брата? Ты использовала привязанность моего брата к нему, его страх, что мальчик вырастет без матери, станет сиротой, и заставила его согласиться взять вину на себя?

Гуань Лань, не ожидавшая, что Цзян Мэй знает так много, широко раскрыла глаза, наполненные ужасом и недоверием.

<http://bllate.org/book/16138/1444759>